

О возможных макропоследствиях старения общества: экономико-статистический анализ на основе национальных трансфертных счетов

Анжела Георгиевна Назарова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

В статье изложены результаты исследования социально-экономических проблем современного общества с использованием материалов международной статистики, представленных в формате национальных трансфертных счетов (NTA), в продолжение авторских публикаций в журнале «Вопросы статистики» (2019 г. – № 4, № 11; 2020 г. – № 5). Во вводной части статьи аргументируется актуальность рассматриваемой темы как с учетом остроты проблемы старения современного общества, так и в связи с необходимостью практического освоения в национальной статистике национальных трансфертных счетов как гармоничного ответвления и развития системы национальных счетов, расширяющего аналитические возможности статистики.

В основной части статьи с применением статистических методов исследуются ключевые макропоследствия глобального старения обществ. Показано насколько значительны макроэкономические вызовы и риски устойчивому развитию, прежде всего в странах, имеющих низкую рождаемость, высокую долю людей пенсионного возраста и значимый уровень государственной поддержки населения. Рассматривается в какие изменения трансформируется структурный сдвиг возрастного профиля для потребительских расходов населения и его доходов. Представлены и проанализированы первые результаты количественного измерения этой взаимосвязи (на ретроспективных данных) для расходов на здравоохранение и уровня среднедушевого трудового дохода. Определены факторы и степень их влияния на выбор населением той или иной модели экономического поведения, в конечном итоге определяющего размеры и структуру потребления в высокоинфляционных экономиках.

В заключительном разделе статьи формулируется ряд выводов, смысл которых состоит в следующем: 1) подтверждена на основе эмпирических расчетов гипотеза о том, что старение общества более «экономически обременительно» для государственных финансов, чем для экономики в целом, 2) существенно возрастает актуальность дальнейшего совершенствования новых макростатистических разработок (центральных разделов СНС, национальных трансфертных счетов, спутниковых счетов СНС) с целью повышения их аналитических возможностей для выработки более эффективного механизма формирования и использования национальных ресурсов в условиях старения общества.

Ключевые слова: старение общества, система национальных счетов (СНС), национальные трансфертные счета, спутниковые счета, расходы на здравоохранение, среднедушевой трудовой доход, государственный долг, государственные трансферты.

JEL: E16, E21, J11, O11.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69>.

Для цитирования: Назарова А.Г. О возможных макропоследствиях старения общества: экономико-статистический анализ на основе национальных трансфертных счетов. Вопросы статистики. 2021;28(3):56-69.

On Possible Macro Consequences of Society Aging: Economic and Statistical Analysis on the Basis of National Transfer Accounts

Anzhela G. Nazarova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

The article discusses research results of socio-economic challenges in modern society using selected international statistics and presented in the format of National Transfer Accounts (NTA) as a follow-up to the author's prior publications in the journal «Voprosy Statistiki» (Issues 4 and 11 of 2019; Issue 5 of 2020). Introduction to the article rationalizes the subject matter topicality both given the pressing problem of ageing of modern society and in connection with the necessity of practical adoption of National Transfer Accounts in the system of Russian statistics as a coherent derivation and elaboration of the System of National Accounts (SNA), expanding analytical capabilities of statistics.

Going into the main part of the article, the author applies statistical methods to explore the key macroeconomic consequences of the global ageing of modern societies. The article provides evidence that macroeconomic challenges and risks to sustainable development emerge primarily in the countries featuring low birth rates, a high share of seniors, and significant levels of government support to the households. The author studies how shifts in the population age distribution translate into changes in consumer spending and incomes. The article presents and analyzes initial findings of the quantitative evaluation of these correlations based on historical data on healthcare expenditures and per capita labor income. The paper identifies the factors and the extent of their impact on how people choose the economic behavior model that ultimately determines the volume and structure of consumption in high inflation economies.

Finally, the article lays down a number of conclusions to the following essence: (1) empirical estimates confirm the hypothesis that ageing society presents a heavier «economic burden» for the government finances rather than for the economy as a whole and (2) further advances in macro-statistic work (SNA core sections, National Transfer Accounts, satellite accounts within SNA) become increasingly important for expanding analytical capabilities required to seek for a more effective mechanism to build-up and utilize national resources in the face of population ageing.

Keywords: aging society, system of national accounts (SNA), national transfer accounts, satellite accounts, healthcare expenditures, per capita labor income average, government debt, government public transfers.

JEL: E16, E21, J11, O11.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-3-56-69>.

For citation: Nazarova A.G. On Possible Macro Consequences of Society Aging: Economic and Statistical Analysis on the Basis of National Transfer Accounts. *Voprosy Statistiki*. 2021;28(3):56-69. (In Russ.)

В XXI веке тренд старения населения становится характерным для все большего числа стран в мире. Это следствие одновременного проявления (с конца 1960-х годов) общемировых тенденций устойчиво низкой (или снижающейся) рождаемости и снижения смертности (ведущей к увеличению продолжительности жизни). В России темпы старения общества заметно ускорились на протяжении последнего десятилетия (2009–2018 гг.)¹. Доля населения старше трудоспособного возраста в общей его численности выросла до 25,9%, при этом во второй половине этого срока – заметно сильнее, чем в первой². Обратной стороной медали стало сокращение численности населения в рабочих возрастах. Изменения, происходящие в возрастной структуре общества, влекут за собой серьезные макроэкономические вызовы устойчивости экономического развития.

Как инструмент экономического анализа, агрегированные национальные трансфертные счета (НТА) находятся на стыке трех наук: демографии, статистики и макроэкономики. Они позволяют под новым углом зрения посмотреть на статистические данные СНС и объяснить складывающиеся макротенденции.

Методология агрегированных национальных трансфертных счетов (НТА), возможности анализа и практические результаты адаптации

международной методики к российским данным (по данным статистики национальных счетов на сквозном примере 2012 г.) рассматривались в публикациях журналов «Демографическое обозрение» в 2018 г. [1] и «Вопросы статистики» за 2019–2020 гг. [2–3]. Основные понятия (терминология), принципы построения и балансировки счетов, связь с национальными счетами и перспективы развития (учет капитальных трансфертов по мере подключения в систему НТА счетов накопления) были подробно рассмотрены в № 4 и № 11 журнала за 2019 г.³ Основные источники и структура финансирования дефицита экономического жизненного цикла раскрыты в № 5 журнала «Вопросы статистики» за 2020 г.⁴

В рамках данной статьи акцент сделан на рассмотрении (сквозь призму агрегированных национальных трансфертных счетов) возможных последствий изменения возрастного профиля. Опираясь на результаты исследований НИУ ВШЭ в 2020–2021 гг., раскрыты дополнительные срезы анализа демографических процессов в связке с макроэкономикой – влияние демографического фактора на основные возрасто-зависимые показатели НТА и сравнение «временной ценности» трансфертов для населения. Теоретические выводы проиллюстрированы результатами расчетов по данным отечественной статистики.

¹ Рассматривается десятилетие в привязке к периоду построения системы национальных счетов в полном объеме (по кругу консолидированных и секторальных счетов).

² В 2014–2018 гг. – на 2,4 процентного пункта (п. п.) по сравнению с 2,1 п. п. в 2009–2013 гг.

³ URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/879> (№4) и <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/1016>.

⁴ URL: <https://voprstat.elpub.ru/jour/article/view/1194>.

Развернутый исторический экскурс о включении стран в процесс построения НТА и страновые примеры проявляющихся в экономиках последствий старения приведены с целью формирования у широкого круга читателей системного видения общемировых проблем и понимания того, почему страны принимают решение о присоединении к участию в проекте НТА.

Распространение НТА как зеркало мирового «рейтинга старения стран»

Ключевым вызовом для экономик в условиях глобального старения обществ становятся долгосрочные риски устойчивости систем здравоохранения, пенсионных систем и реализации других намечаемых государством социальных программ. В перспективе дисбаланс между потребностями общества и возможностями их удовлетворения может привести к конкуренции за государственные трансферты.

Сопоставление результатов странового анализа в ходе осуществления проекта «National Accounts Project» показало, что проблемы растущей нагрузки на государство (бюджет) наиболее остро стоят в странах с высоким уровнем дохода, там, где расходы государства на здравоохранение, пенсионные и социальные программы высокие. Это не случайно, так как по мере того, как страны становятся богаче, государственная политика в них все больше ориентируется на социальное развитие. В странах с низким уровнем дохода эта проблема стоит не настолько остро, так как там расходы государства на социальные программы намного ниже, а основным источником финансирования выступают ресурсы частного сектора. Существование такой макроэкономической дилеммы отмечалось в [3].

10 лет назад в справочном документе ОЭСР, подготовленном экспертами⁵ для встречи министров социального обеспечения в 2011 г. [4], было проведено сравнение уровней расходов

на пенсии, здравоохранение и долгосрочное медицинское обслуживание для ключевых регионов и экономик мира: фактического (в 2010 г.) и ожидаемого (к 2050 г.). Результаты анализа показали значительный прогнозируемый рост этих расходов в среднесрочной перспективе. Это говорит о том, что прогнозируемое старение населения (то есть рост числа иждивенцев по старости) окажет в будущем большое давление на адекватное финансирование пенсий, здравоохранения и долгосрочного ухода. Другими словами, такой сценарий имеет далеко идущие последствия для экономического роста и устойчивости государственных финансов стран. Наиболее резким рост расходов, связанных со старением населения, ожидался в Республике Корея (их расчетный суммарный объем по этим трем направлениям оценивался к 2050 г. в 18% ВВП по сравнению с фактическим уровнем порядка 6% ВВП в 2010 г.).

Высокий темп «старения» этой страны не случаен. Республика Корея имеет самый низкий показатель рождаемости в мире. В течение последнего полувека коэффициент рождаемости (*Fertility Rate*) здесь снизился с уровня 4,5 в 1970 г. (в 1965 г. он был еще выше – 5,6 [6]) до 1,2 к 2011 году, а к 2018–2019 гг. – до уровней 1,0–0,9⁶. Вместе с тем, по структуре финансирования расходов Республика Корея входит в тройку наиболее «социально-сбалансированных» государств в мире. Чистые государственные трансферты детям и пенсионерам здесь составляют 29 и 37% дефицита экономического жизненного цикла соответствующих возрастных когорт [3].

Аналогичные исследования ОЭСР, проведенные 10 лет спустя (доклад «Финансовые проблемы и инклюзивный рост в стареющих обществах»⁷), подтвердили, что в среднесрочной перспективе темпы старения населения в Республике Корея останутся самыми высокими. Ожидаемое число пенсионеров (в возрасте 65+ лет) на 100 человек населения в рабочих возрастах (20–64 года) к 2060 г. вырастет до 89 человек против 19 человек в 2015 г. (см. таблицу 1).

⁵ Документ был подготовлен экспертами Джоном Пигготтом (Центр передового опыта в области исследований старения населения Университета Нового Южного Уэльса, Сидней – Centre of Excellence in Population Aging Research, UNSW Sydney <https://www.researchgate.net/profile/John-Piggott>) и Эдвардом Уайтхаусом (ОЭСР, Управление по труду, занятости и социальным вопросам – OECD, Directorate for Employment, Labour and Social Affairs <https://www.researchgate.net/profile/Edward-Whitehouse>) [5].

⁶ URL: <https://data.oecd.org/pop/fertility-rates.htm#indicator-chart>.

⁷ OECD, Report «Fiscal challenges and inclusive growth in ageing societies», pp.10–11. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/c553d8d2-en.pdf?expires=1623158812&id=id&accname=guest&checksum=75E3978373A25A09566C92B681968B15>.

Таблица 1

Численность населения в возрасте 65+
(на 100 человек населения в рабочих возрастах 20–64 года)

	2015	2060
Саудовская Аравия	5	36
ЮАР	9	23
Индонезия	9	29
Индия	10	28
Мексика	12	35
Турция	14	41
Бразилия	14	47
Китай	14	60
Республика Корея	19	89
Аргентина	19	38
Россия	21	50
Австралия	25	36
США	25	43
Канада	26	47
ОЭСР (в среднем)	28	56
Испания	30	59
Великобритания	30	51
ЕС (в среднем)	32	57
Франция	33	48
Германия	35	60
Италия	37	67
Япония	48	80

Источник: данные ОЭСР. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/888933973420>.

Странами с самым возрастным населением останутся Япония и Италия. Среди стран-членов ОЭСР быстрое старение населения идет в Греции, Польше, Португалии, Словакии, Словении. На этом фоне Бразилия, Китай и Саудовская Аравия, несмотря на то, что пока все еще относятся к относительно «молодым» экономикам, стареют значительно быстрее, чем страны ОЭСР в среднем. Для Китая этот вопрос стоит наиболее остро, так как в ближайшей перспективе он будет активно «взрослеть», а общественные трансферты (URL: <https://www.ntaccounts.org>), покрывают в стране порядка 56% всего объема дефицита экономического жизненного цикла.

Результаты вышеупомянутых исследований объясняют пространственный срез распространения НТА и степень активности стран в их разработке. Национальные трансфертные счета не случайно начали обретать статус официального статистического учета именно в том регионе, где проблема старения общества стоит крайне остро,

а уровень трансфертной господдержки населения высок. Проект «National Transfer Accounts» зародился в 90-х годах XX века в США. К 2002 г., при поддержке Национального института старения США, демограф Рональд Ли (R. Lee) и экономист Эндрю Мэйсон (A. Mason) разработали систему для оценки межпоколенческих трансфертных счетов и применили ее в 2003 г. для Соединенных Штатов Америки. Странами, присоединившимися к участию в проекте в числе первых, стали Япония (2003 г.), Тайвань (2003 г.) и Республика Корея (2005 г.).

Сейчас Япония возглавляет мировой «рейтинг старения» стран, имея самую высокую скорость старения в мире [5]. В 2015 г. на 100 человек трудоспособного возраста приходилось 48 человек старше 65 лет по сравнению с 19 в 1990 г. Япония «стареет» почти в три раза быстрее, чем такие европейские страны, как Швеция и Норвегия. Доля населения свыше 65 лет в общей его численности здесь превышает 35 процентов. В Республике Корея и Тайване тенденция старения населения проявилась чуть позже, чем в Японии, но по демографическим прогнозам в первой половине XXI века они обгонят ее по темпам старения.

Все это напрямую коррелирует с тем официальным статусом, который сейчас имеют в мире национальные трансфертные счета. В Республике Корея их разработка уже вошла в практику официального статистического учета (наряду с СНС). Результаты построения НТА и аналитика по ним на регулярной ежегодной основе с 2016 г. публикуются Статкомитетом Республики Корея в официальных сборниках, наряду со статистикой национальных счетов. Информация о них проходит в разделе «National Accounts», в подразделе «Regional Accounts and National Wealth»⁸. В дополнение к анализу на базе НТА Статкомитет Республики Корея ежегодно публикует еще более глубокий статистический анализ «Statistics on the Aged»⁹ – на базе национальных трансфертных счетов времени (NTTA – National Time Transfer Accounts).

В процессе внедрения НТА в официальную систему статистического учета находится Тайвань, имеющий один из самых низких уровней рождаемости среди развивающихся стран (менее 1,2). Исторически он стал первой после США стра-

⁸ URL: <https://www.kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/1/index.board?bmode=read&aSeq=380883>.

⁹ URL: <https://www.kostat.go.kr/portal/eng/pressReleases/1/index.board?bmode=read&aSeq=388599>.

ной, применившей в 2003 г. систему NTA для анализа внутренней экономической ситуации. Эту работу провел Э. Мэйсон (A. Mason) вместе с М. Лаем (Mun-Sim Lai) и А. Тунгом (An-Chi Tung) из Организации экономических исследований (Institute of Economics, Academia Sinica, Taiwan)¹⁰. С точки зрения каналов поддержки населения, Тайвань возглавляет тройку наиболее «социально-сбалансированных» государств¹¹. Чистые государственные трансферты здесь (согласно исследованиям (URL: <https://ntaccounts.org>), финансируют 29% дефицита жизненного цикла детей (0–19) и 27% дефицита в группе «65+». Более подробно этот вопрос был описан в [4].

В направлении учета результатов построения национальных трансфертных счетов (которые получают исследовательские университеты) при выработке рекомендаций по социальной политике государств движется и Евросоюз. Интерес к результатам построения NTA в ЕС объясняется тем, что согласно демографическим прогнозам Евростата, к 2040 г. в странах Евросоюза в возрастной категории «65+» в среднем будет находиться почти 27% населения [7].

Однако на текущий момент построение NTA – это все-таки на 99% совместный международный исследовательский проект, который ведут национальные исследовательские университеты разных стран. Его целью является измерение и анализ взаимодействия между сдвигами в возрастном профиле и макроэкономическими результатами [8]. Россию в проекте представляет Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). На начало 2021 г. количество стран-участниц проекта достигло 97 (с общей численностью населения 6,6 млрд. человек)¹². Сейчас проект поддерживается Фондом ООН по проблемам народонаселения, Еврокомиссией, Центром по развитию международных исследований Канады и Отделом народонаселения секретариата ООН.

Подведем промежуточный итог: макровызовы, связанные со старением общества, формируются в первую очередь в странах, имеющих низкую рождаемость, высокую долю людей пенсионного возраста и значимый уровень господдержки населения.

Макровыводы, формируемые старением общества

Выделим три ключевых вызова и рассмотрим их подробнее:

- сдвиги в объеме и структуре потребления по целям, приводящие к конкуренции за государственные трансферты и формирующие в перспективе долгосрочный риск устойчивости системы здравоохранения, пенсионных систем и других намечаемых социальных программ;
- рост нагрузки на бюджет: увеличение объема социальных выплат и потребления бюджетных услуг;
- усиление фискального давления на работающее население, формирующее спрос на увеличение средних налоговых платежей.

По мере того, как растет численность населения, получающего право на пенсии и разного рода социальные льготы, закономерно растет объем социальных выплат и потребления бюджетных услуг (оплачиваемых секторами «Государственное управление» и НКООДХ и предоставляемых населению на бесплатной основе). Это значит, что растет размер социальных трансфертов в натуральной форме, получаемых домохозяйствами. Наиболее активно в старших возрастах растет потребление медицинских и социальных услуг. Так, в большинстве богатых индустриальных стран объем потребляемых услуг здравоохранения (суммарно платных и бесплатных) растет быстрее, чем ВВП, в результате чего повышается их доля в валовом внутреннем продукте страны.

Поэтому не случайно в методологии национальных трансфертных счетов потребление (общественное и частное) дезагрегировано по видам расходов, наиболее сильно различающихся по возрастам. Выделяют:

- «Расходы на образование» (*Education*);
- «Расходы на здравоохранение» (*Health*);
- «Расходы на социальные нужды» (*Social Welfare*), если статистически есть такая возможность;
- «Прочие» (*Other*), рассчитываемые по остаточному принципу.

¹⁰ URL: <http://www.econ.sinica.edu.tw/english>.

¹¹ Solé M., Souto G., Renteria E., Papadomichelakis G., Patxot C. «Protecting the elderly and children in times of crisis: An analysis based on National Transfer Accounts». Published by Elsevier, Journal of the Economics of Ageing, Vol. 15, 2020, P. 1-11. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212828X19300957>.

¹² URL: <https://ntaccounts.org/web/nta/show/NTA%20Countries>.

Методологически потребительские расходы домохозяйств в агрегированных НТА (по сравнению с величиной потребления сектора «Домашние хозяйства» по данным национальных счетов) дополнительно учитывают общественные трансферты, получаемые населением в натуральной форме. Последние идентичны трансфертам в натуре от секторов «Государственное управление» и НКООДХ в составе фактического конечного потребления домохозяйств. Составляющие потребления в НТА детально рассматривались в [2] и [3].

В составе потребления (речь идет о его объеме, рассчитанном в методологии НТА) заметно выросла доля услуг здравоохранения (потребленных домохозяйствами суммарно на платной и бесплатной основе). В суммарном объеме социальных трансфертов в натуральной форме, предоставляемых населению со стороны секторов «Государственное управление» и НКООДХ, по мере старения общества — «структурный вес» трансфертов здравоохранения (как одно из направлений трансфертной поддержки) последовательно нарастает. Так, в 2018 г. доля трансфертов здравоохранения в общем объеме социальных трансфертов в натуральной форме в России превысила 1/3 (35,5% в общем итоге), а в 2019 г. повысилась до 36,6% (против 33% в 2011 г.).

За период с 2011 по 2018 г. доля потребленных услуг здравоохранения (суммарно на платной и бесплатной основе) в общем объеме потребления (НТА) увеличилась на 0,8 процентных пункта (п. п.) в текущих ценах (с 7,9 до 8,7%) и на 0,6 п. п. — без учета инфляционной составляющей.

Динамика потребления населением медицинских услуг в России за 2011–2018 гг. (без учета инфляционной составляющей) опередила динамику ВВП более чем вдвое (20,6% против 9,6%, соответственно). А динамика объема выплаченных пенсий за период 2011–2018 г. показала (без учета инфляции) рост в 13,2%, что более чем на 1/3 выше накопленной динамики физического объема валового внутреннего продукта.

Ожидаемая траектория потребления (потребительских расходов) неразрывно связана с фискальной политикой. Вследствие того, что количество налогоплательщиков (численность трудоспособного населения), финансирующих

бесплатные медицинские услуги, пенсионные, социальные программы, растет медленнее численности возрастной когорты, которой полагаются основная часть социальных выплат, пенсии и льготное медобслуживание, то возрастает нагрузка на бюджет и усиливается фискальное давление на работающее население¹³.

Налоговым доходам (на фоне сокращения экономически активного населения) тяжелее покрывать в требуемом объеме растущие по мере старения населения расходы на социальные нужды. Поскольку отношение совокупных государственных платежей к полученным налогам в перспективе будет расти (потребление пожилых людей финансируется преимущественно за счет государственных трансфертов), то можно говорить о том, что *старение общества формирует спрос на увеличение средних налоговых платежей трудоспособного населения*. Кроме того, высокая ставка налога на потребление (как вынужденная мера), также может служить источником дополнительных бюджетных средств для последующего расходования их на нужды социального характера.

Мировой опыт показывает: если налоговые поступления продолжают оставаться относительно стабильными (в % к ВВП), то увеличивающийся *разрыв между текущей стоимостью налоговых платежей и расходами приводит к формированию устойчиво высокого государственного долга*. Самым ярким примером такой ситуации выступает Япония: тенденция старения в стране начала активно раскручиваться с 80-х годов XX века и примерно с этого же времени начал резко расти государственный долг. На протяжении последнего десятилетия он устойчиво превышает ВВП страны в 2,2–2,4 раза, при этом внутренний госдолг значительно превышает внешний. Причиной такого сдвига в государственных финансах стало сочетание двух ключевых трендов.

Налоговые поступления в стране, начиная с 2010 г., оставались в границах 30–32% ВВП, в то время как объем бюджетных расходов (за счет составляющей социальных выплат) нарастал. Сохранение и нарастание разрыва между доходной налоговой базой и объемами трансфертов общественного сектора привело к росту государственного долга со 100% ВВП в 2000 г.¹⁴ до 234% ВВП

¹³ Последовательный рост коэффициента зависимости (Dependency ratio), представляющего собой соотношение суммарной численности населения до 15 и после 65 лет на каждые 100 человек «продуктивной рабочей группы» (16–65 лет), может служить иллюстрацией приведенного тезиса. За период с 2009 по 2018 г. он увеличился в России почти на 20 п. п. (с 59,8 в 2009 г. до 79,5 в 2018 г.).

¹⁴ URL: <https://www.macrotrends.net/countries/JPN/japan/debt-to-gdp-ratio>.

в 2020 г.¹⁵ Локальные максимумы в 2014–2017 гг. пробивали отметку в 238% ВВП. Процессу активного наращивания госдолга в Японии способствовало и то, что с 1975 г. правительство страны получило законодательное право выпуска облигаций для покрытия государственного долга. В 2021 г., по прогнозу МВФ, ожидается, что он вырастет до 264% ВВП¹⁶ и сохранится на высоком уровне в долгосрочной перспективе.

Схожие черты демонстрировала ситуация в Тайване. Уже к концу XX века расходы государства на пособия там стали превышать доходную базу их финансирования на 30%. Как следствие, вырос внутренний госдолг (хотя его показатели на порядок ниже, чем в Японии). До 2000 г. госдолг страны не выходил из границ 14–16% ВВП (по данным Центрального банка Тайваня), а с начала 2000-х годов резко вырос практически вдвое (достигнув в 2012–2013 гг. локальных максимумов в 34% ВВП) и до настоящего времени не опускается ниже 28% ВВП¹⁷. Прогнозируемый уровень на 2021 г. оценивается МВФ в 35,6% ВВП.

Долги (как общественного, так и частного сектора) с точки зрения национальных трансфертных счетов являются межпоколенческим трансфертом. А поскольку в кратко- и среднесрочной перспективе тенденция старения обществ с высокой степенью вероятности будет сохраняться, то государственный долг многих экономик вероятно будет расти очень быстро.

По отношению к частному сектору государство выступает одновременно получателем и поставщиком трансфертов. Поэтому результат финансовых взаимоотношений с ним определяется на основе чистого трансфертного сальдо.

В России участие государства в финансировании дефицита жизненного цикла (Life Cycle Deficit – LCD) суммарно (чистых государственных

трансфертов и доходов от перераспределения активов) сохраняется на уровне 3,7–2,4% ВВП (см. таблицу 2).

На рубеже 2012 г. прослеживается скачок в росте чистого государственного участия в финансировании дефицита экономического жизненного цикла – переход в область положительных значений (см. рис. 1).

По времени он совпадает с демографическим сдвигом (см. рис. 2).

На конец 2018 г. (по расчетам на базе последних доступных статистических данных по национальным счетам секторов) номинальный объем трансфертов, переданных частному сектору со стороны государства (*Public Transfers, Outflows*), вырос до 37,4% ВВП против 31–32% ВВП в 2015–2017 гг.

На макрохарактеристики (объем и структуру потребления) может оказывать влияние еще один фактор. В высокоинфляционных экономиках *рост приобретения потребительских товаров длительного пользования (как одно из направлений потребительских расходов населения) может замещать собой накопление капитальных активов*. Такое поведение населения по сути выступает альтернативой увеличению финансовых вложений инвестиционного характера (если реальные процентные ставки по банковским депозитам и вкладам низкие или отрицательные). Если инфляция в странах стабильно невысокая, то старение населения вызывает рост спроса на богатство. Увеличивающаяся продолжительность жизни служит сильным стимулом для накопления капитальных активов (богатства) в течение трудоспособного возраста. Это так называемый «технический» фактор влияния. Тем самым пожилые люди «страхуются» и впоследствии, получая рентные доходы от использования активов, поддерживают ими «допенсионный» уровень потребления [9].

Таблица 2

Участие государства в покрытии дефицита жизненного цикла
(в % ВВП, данные рассчитаны в среднем за период*)

	2004–2005	2006–2007	2008–2009	2011–2012	2013–2014	2015–2016	2017–2018
Ресурсный поток на чистой основе, всего (Public Asset-based Reallocations + Public net transfers)	-10,6	-11,5	-6,4	1,1	2,0	3,7	2,4
в том числе переданные частному сектору**	25,4	25,5	28,8	28,8	31,1	31,6	34,8

* Исключен временной период на стыке разных методологий СНС 1993 и СНС 2008 (2010–2011 г.).

** Суммарно предоставленные домашним хозяйствам, НКООДХ, нефинансовым и финансовым корпорациям.

Источник: расчеты автора.

¹⁵ URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/countries-by-national-debt>.

¹⁶ URL: https://www.imf.org/external/datamapper/GGXWDG_NGDP@WEO/JPN?zoom=JPN&highlight=JPN.

¹⁷ URL: <https://tradingeconomics.com/taiwan/government-debt-to-gdp>.

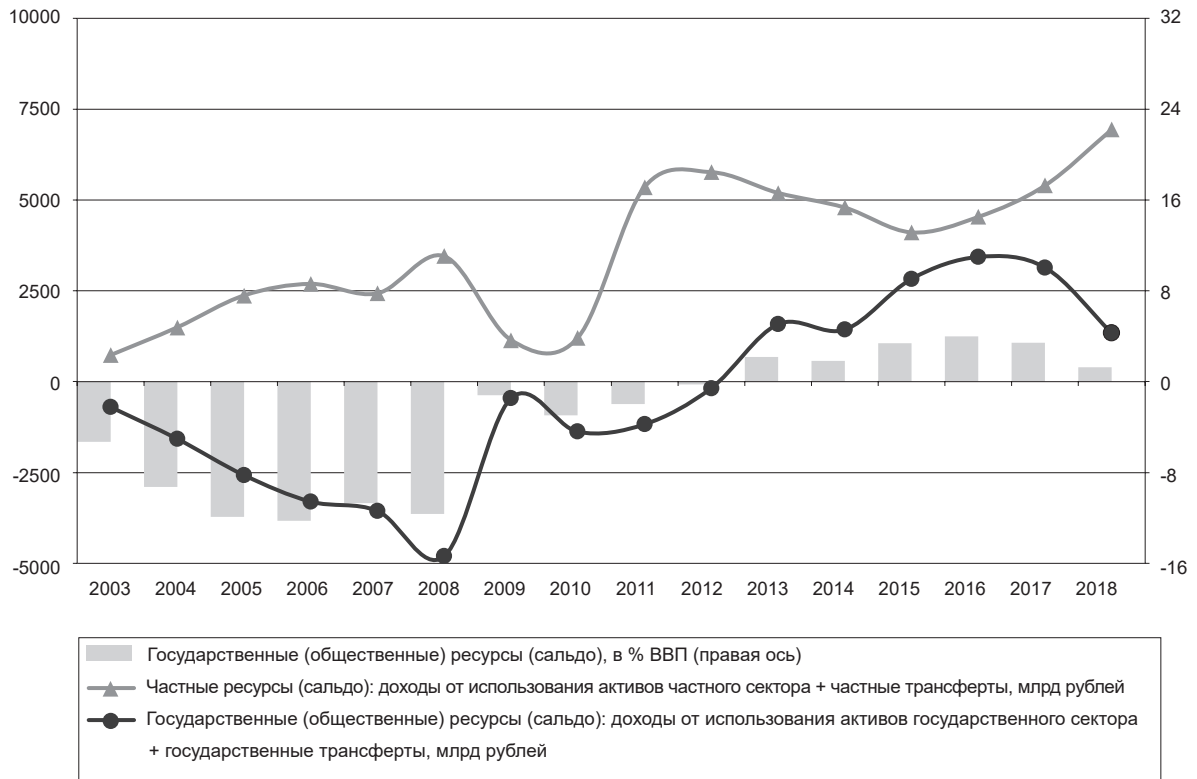

Рис. 1. Результат экономического жизненного цикла и сдвиги в его финансировании

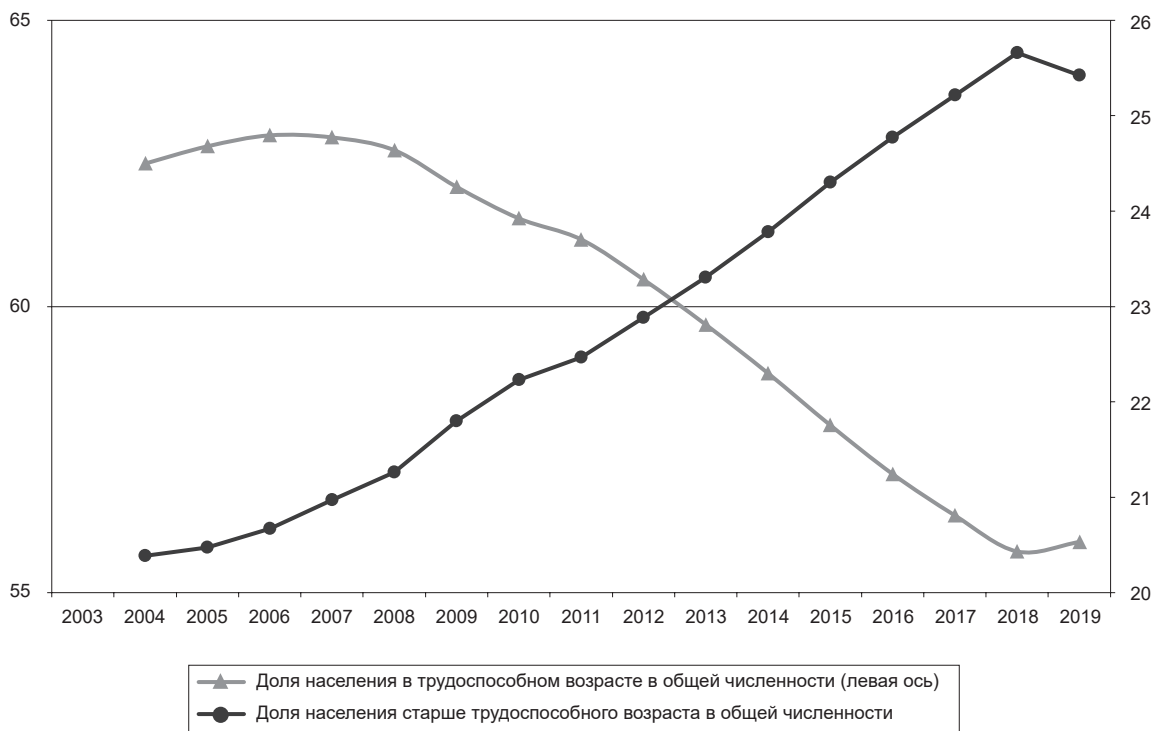

Рис. 2. Изменение возрастного профиля в XXI веке (в процентах)

Количественное измерение влияния демографического фактора на расходы населения на здравоохранение и трудовой доход

На базе агрегированных национальных трансфертных счетов, построенных для России для основных возрастозависимых показателей (расходов населения на здравоохранение¹⁸ и уровня трудового дохода), было проанализировано, в какие изменения трансформируется структурный сдвиг возрастного профиля для потребительских расходов и уровня среднедушевого трудового дохода (в 2021 г. были впервые выполнены расчеты количественного измерения этой взаимосвязи и проанализированы ретроспективные результаты).

Основатель методологии НТА Рональд Ли отмечал, что для того, чтобы проанализировать количественное влияние структурных изменений в возрастном профиле на макропоказатели и вычленив в динамических характеристиках эффект изменения возраста населения (то есть «добавку», которую дает фактор демографического сдвига), агрегированные показатели НТА должны быть взвешены по начальным возрастным профилям (по начальному возрастному распределению населения) [10].

Расчеты количественного влияния демографического фактора, результаты которых представлены ниже, были выполнены на базе НТА, построенных для России с использованием статистических данных СНС по состоянию на 31 июля 2020 г. В расчете на душу населения с использованием данных статистики СНС и расчетов в методологии трансфертных счетов были построены фактические номинальные ряды по двум ключевым показателям НТА:

- «Расходы на здравоохранение» в составе потребительских расходов домашних хозяйств (как наиболее активно растущие в старших возрастах);
- «Трудовой доход».

Чтобы исключить влияние цен и возрастных сдвигов на анализируемом временном периоде (2008–2018 гг.) для данного показателя был построен еще один расчетный стоимостной ряд (в расчете на душу населения), при этом цены и возрастной профиль населения были зафиксированы на уровне базового года. В качестве базового года экспертно был взят 2007 г., исходя

из того, что он был относительно «спокойным» с точки зрения экономических сдвигов. Какие-либо иные компенсирующие факторные изменения отсутствовали. Было проанализировано, как менялись номинальные значения показателей в расчете на человека без учета влияния демографического фактора и рассчитана динамика их физического объема. Из статистики национальных счетов была собрана общая сумма расходов населения на медицину (из состава платных и бесплатных услуг) и построены два ряда подушевых расходов:

- при фактическом возрастном профиле;
- при возрастном профиле, зафиксированном на уровне базового года.

Сравнивая изменение физического объема подушевых расходов населения при фактическом возрастном профиле с их расчетной динамикой при отсутствии изменений в его структуре (то есть за вычетом влияния демографического фактора) были получены оценки прироста/снижения динамики показателя (в процентных пунктах) исключительно за счет изменения возрастной структуры. Рассчитанная дельта (в процентных пунктах) отразила влияние демографических сдвигов на объем расходов на здравоохранение, как вида потребительских расходов (см. рис. 3).

Расчет показал, что сдвиги в возрастном профиле, произошедшие в анализируемом периоде, «трансформировались» в ускорение роста расходов экономики на здравоохранение (расчетная «добавка» возрастного фактора имела положительный знак). По результатам расчета, с 2011–2012 гг. возрастной фактор стал «добавлять» в общий прирост физического объема расходов на медицину почти на треть больше (см. рис. 3) и объясняет почти четверть общего изменения.

Значительнее всего демографический фактор «добавил» в рост общественных расходов (расходов государства) на здравоохранение, то есть в рост бесплатно потребляемых населением услуг здравоохранения (социальных трансфертов в натуральной форме), которыми пользуется преимущественно возрастная категория «65+».

Применив описанный выше методологический подход к показателю трудового дохода и выполнив аналогичный комплекс расчетов получаем противоположный результат (см. рис. 4).

¹⁸ В разрезе: оплачиваемых населением (*Private Consumption, Health*); потребляемых населением на бесплатной основе (оплачиваемых секторами «Государственное управление» и НКООДХ – *Public consumption, Health*); по экономике в целом (*Consumption, total*).

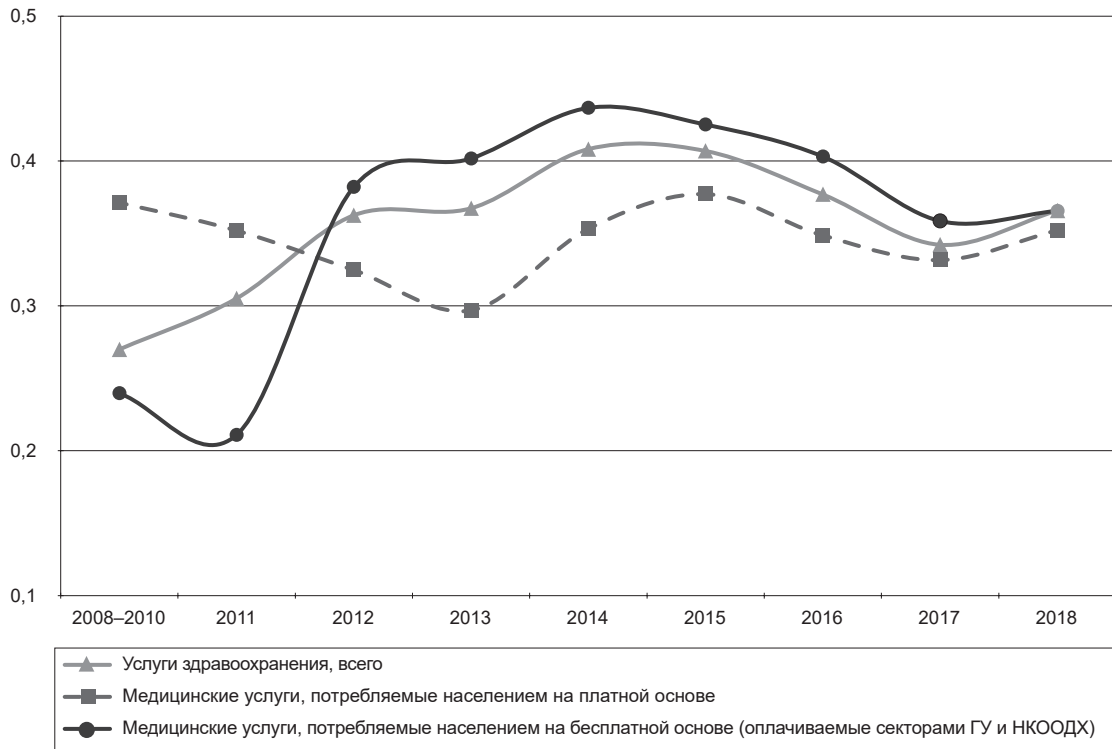

Рис. 3. Влияние изменения возрастного профиля на динамику общих расходов на здравоохранение (в процентных пунктах)

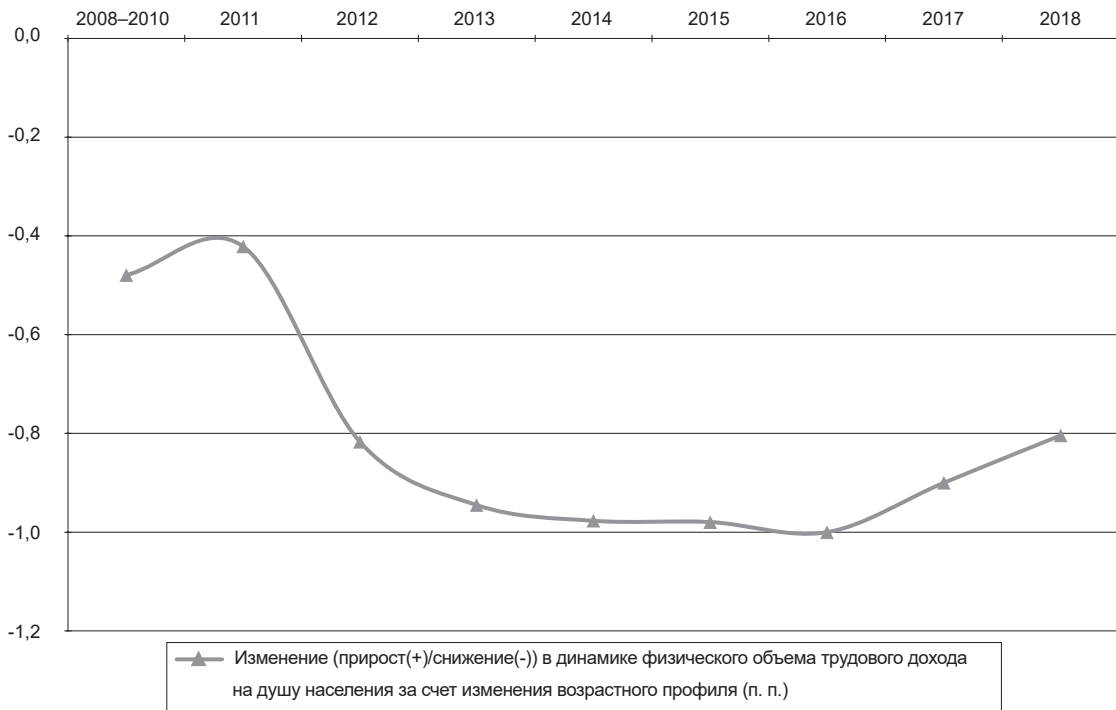

Рис. 4. Влияние изменения возрастного профиля на динамику трудового дохода (в процентных пунктах)

Расчет показал, что сдвиг возрастного профиля в сторону старшей возрастной группы оказывает сдерживающее влияние на динамику трудового дохода, трансформируясь в замедление роста его компонент. Результат также мож-

но интерпретировать следующим образом: с рубежа 2011–2012 гг. возрастной фактор стал заметно «тормозить» динамику трудового дохода. Этот вывод коррелирует с результатами, полученными в ходе межстрановых исследований

по проекту «National Accounts Project», показавшими, что среднедушевой трудовой доход существенно падает для пожилых людей трудоспособного возраста [11]. Оба профиля влияния демографического фактора на показатели НТА также коррелируют с временем демографического сдвига на рубеже 2012–2013 гг.

Анализ «временной ценности» трансфертов на образование в контексте агрегированных НТА

Коснемся еще одного важного аспекта анализа. Межпоколенческие трансферты распределены во времени (имеют временной срез) и привязаны к конкретным периодам экономического жизненного цикла человека. Принимая во внимание возраст получения трансфертов населением и инфляционные процессы в экономике, видим, что разные виды трансфертной поддержки имеют разную «временную ценность». Для финансового анализа денежных поступлений (выплат) во времени используется метод дисконтирования трансфертных платежей и поступлений. Результаты расчета по данным российской статистики (с учетом условий и сроков выплат в РФ) показали следующее.

Трансферты на образование (от государства) человек получает почти на 30 лет раньше, чем наступает средний возраст уплаты налогов, а последний, в свою очередь, наступает примерно на 30 и более лет раньше среднего возраста получения пенсионных выплат. Учесть изменение стоимости денежного потока ресурсов во времени (их обесценение из-за инфляционной составляющей) и привести будущие денежные выплаты к текущему состоянию (для последующего анализа) возможно по следующей схеме. На первом шаге рассчитывается коэффициент дисконтирования (1), на втором — будущая стоимость трансферта (2), которая затем сопоставляется с текущей:

$$K_d = \frac{1}{(1 + R)^{n_i}}, \quad (1)$$

где K_d — расчетный коэффициент дисконтирования; R — норма дисконтирования (инфляция, используется индекс-дефлятор потребительских цен, дек./дек., прирост); n_i — число лет между наступлением будущего момента платежа/выплат и текущим моментом получения трансферта.

Коэффициент дисконтирования в методологии финансового анализа всегда имеет значения < 1 и показывает стоимость одной инвестированной денежной единицы через определенное время, исходя из заданной ставки дисконта. За ставку дисконтирования можно принимать темп инфляции (прирост индекса-дефлятора потребительских цен), ставку рефинансирования Банка России и т. п.

Если мы рассчитываем срок между *средним возрастом* получения образовательного трансферта (12,5 лет)¹⁹ и *средним возрастом* уплаты налогов (44 года)²⁰, то он составит около 31 года²¹ ($n_1 = 31$). А если мы рассчитаем время между *началом получения образовательного трансферта* и *началом пенсионных выплат*, то этот срок практически удваивается и составляет около 62 лет²² ($n_2 = 62$).

$$FV = PV/K_d, \quad (2)$$

где FV — будущая стоимость выплат, рублей; PV — приведенная стоимость выплат, рублей.

В первом случае срок дисконтирования при норме дисконта в 4%²³ дает нам коэффициент дисконтирования, равный 0,3. Из этого следует, что в расчетах по временному срезу полученный в детстве 1 рубль трансферта на образование имеет гораздо «большой вес», чем трансферты, получаемые в более позднем возрасте. Его «ценность» почти в 3,4 раза больше, чем рубль налога, уплаченного в бюджет в трудоспособном возрасте (1 руб./0,3) и в 11,4 раза выше чем рубль пенсионных выплат, полученных в старости.

Таким образом, с учетом временного фактора на первое место по важности выходят образовательные трансферты государства (относительно социальных трансфертов и трансфертов здравоохранения).

¹⁹ В системе дошкольного — среднего — высшего образования (с момента допустимого зачисления в ясли (2,5 года) до окончания института (22,5 года) финансирование бесплатного обучения суммарно длится 20 лет (22, 5–2,5). Средний возраст получения образовательного трансферта = 12,5 лет (2,5 года + 20 лет / 2).

²⁰ Если человек начинает работать после института (с 22,5 лет), то до выхода на пенсию (как минимум, в 65 лет) он на протяжении почти 43 лет платит налоги с зарплаты (65–22,5). Средний возраст уплаты налогов = 22,5 года + (43 года/2) = 44 года.

²¹ Разница: 44 года – 12,5 года.

²² Разница: 65 лет – 2,5 года.

²³ Прогнозируемая Банком России годовая инфляция на среднесрочную перспективу.

Демографический фактор и ловушка среднего дохода

По мере старения обществ в экономиках мира начинает проявляться общий глобальный макро-эффект. Изменение возрастного состава рынка труда снижает продуктивность труда, что, в свою очередь, оказывает сдерживающее влияние на динамику среднедушевого дохода. Эти факты можно увидеть и в России.

По критериям Всемирного Банка²⁴ Россия относится к группе стран со средним доходом. С начала 2000-х годов вплоть до 2012 г. Россия последовательно приближалась к среднемировой верхней границе среднего дохода (характеризуемого в международных сопоставлениях величиной валового национального дохода на душу населения в год), но так и не перешла в высокодоходную категорию. С рубежа 2012/2013 гг. отрыв вновь начал расти. Россия оказалась в «ловушке среднего дохода» Эта тема активно обсуждалась в рамках Московского финансового форума-2019 (МФФ-2019)²⁵.

Одной из важных причин сложившейся ситуации являются демографические условия, влияющие на рынок труда. Слом восходящего тренда в объеме валового национального продукта на

душу населения в год (см. рис. 5) также коррелирует с демографическим сдвигом на рубеже 2012–2013 гг.

Методологически динамика среднедушевого дохода сочетает в себе суммарное влияние трех изменений: коэффициента демографической поддержки, возрастного состава рынка труда и производительности труда. При этом влияние всех трех факторов взаимосвязано. Снижение рождаемости уменьшает темпы роста рабочей силы. Как следствие, рабочая сила концентрируется в более старших возрастных группах (предложение рабочей силы начинает расти преимущественно за счет лиц старшего возраста), а труд людей старшего возраста, как правило, характеризуется меньшей продуктивностью. Компенсировать негативные «экономические» последствия изменения структуры возрастного профиля в некоторой степени может рост фондовооруженности труда.

При отсутствии каких-либо компенсирующих изменений снижение коэффициента демографической поддержки и негативные эффекты изменения возрастного состава рынка труда (смещение структуры занятости в сторону старших возрастов) трансформируются в замедление роста среднедушевого дохода.

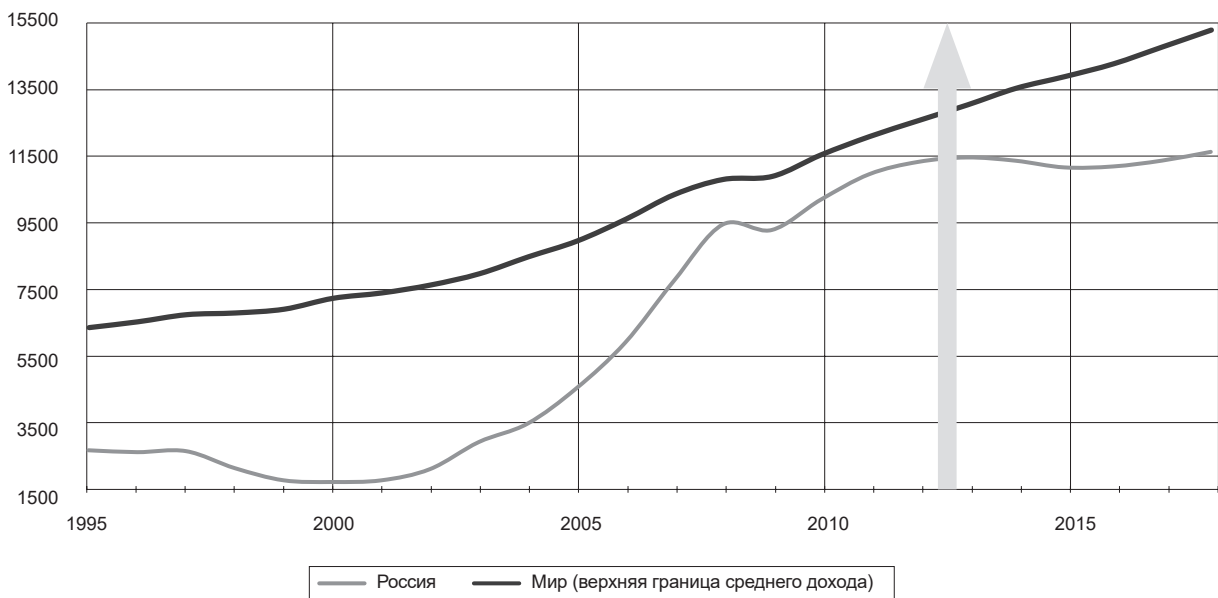

Рис. 5. Ловушка среднего дохода (Middle Income Trap – MIT) (валовой национальный доход (GNI) на душу населения в год, в долларах США, в ценах 2011 г.)

²⁴ URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mic/overview>.

²⁵ URL: <https://youtu.be/Q10CfxQ5OZU>.

Заключение

Анализ демографических сдвигов под углом зрения национальных трансфертных счетов помогает лучше понимать происходящие на макроуровне изменения. При этом, на фоне тенденции к ускорению старения населения — влияние демографического фактора на макрохарактеристики и макротренды растет.

Старение общества имеет более серьезные последствия (более «экономически обременительно») для государственных финансов, чем для экономики в целом²⁶. Этот вывод, сделанный в работе «Детерминанты макроэкономических последствий старения» [12], подтверждается результатами количественного анализа влияния демографического фактора на показатели НТА по данным национальной статистики. Потребность стран в углублении анализа движения потоков ресурсов ведет как к активной разработке в странах сателлитных счетов СНС (национальных счетов здоровья и т. п.), так и к расширению страновых систем показателей СНС — дополнению их индикаторами, близкими по своему содержанию к показателям НТА (для лучшего понимания складывающихся экономических макротенденций).

Так, с марта 2020 г. в национальные счета Соединенных Штатов Америки введен показатель «Личный доход» (*Personal Income*)²⁷, как некое подобие агрегированного показателя НТА «Трудовой доход» (*Labour Income*). Он специфичен для СНС США и не существует в системе национальных счетов ООН. Личный доход (по методологии Бюро экономического анализа, ВЕА) представляет собой смесь доналоговых и постналоговых доходов домашних хозяйств. Показатель не вычитает налоги на фонд оплаты труда (ФОТ) и индивидуальные подоходные налоги, но при этом включает все индивидуальные государственные трансферты (такие, как пособия по социальному обеспечению, социальная помощь, расходы по Medicare и Medicaid) и ту часть корпоративной прибыли, которая распределяется в виде дивидендов. По мнению ВЕА, этот агрегат наиболее близок к показателю экономических ресурсов, доступных домашним хозяйствам для покупки товаров и позволит углубить макроанализ при его сравнении с потреблением.

²⁶ Цитата в оригинале: «...aging is a bigger problem for the government than for the economy as a whole, in the sense that the required adjustment in government finances will be proportionally much larger than the overall change in consumption in the economy as a whole».

²⁷ <https://www.bea.gov/system/files/2020-08/quick-guide-pi.pdf>, https://www.bea.gov/sites/default/files/2020-06/pi0520_0.pdf.

Литература

1. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35. doi: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8661>.
2. Назарова А.Г., Чернявский А.В. Агрегированные трансфертные счета для Российской Федерации: основы построения и анализа // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 4. С. 32–44. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-4-32-44>.
3. Назарова А.Г. О моделях финансирования дефицита экономического жизненного цикла // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 5. С. 23–35. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-23-35>.
4. OECD Ministerial Meeting on Social Policy, Paris, 2–3 May 2011. Issues Paper Session 3. Paying for the Past, Providing for the Future: Intergenerational Solidarity. Figure 3. The fiscal pressure from ageing populations is large now and is going to increase in the next decades // OECD Publishing. 2011. (4 pages). URL: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/47711990.pdf>.
5. Kendig H., McDonald P., Piggott J. Population Ageing and Australia's Future. Chapter «Population ageing in Australia – National policy challenges and future directions» (author John Piggott) // ANU Press. 2016. pp. 47–62 (16 pages). URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1lrq955.8>.
6. Hye-Won Kim E. Division of domestic labour and lowest-low fertility in South Korea // Published by Max-Planck-Gesellschaft zur Foerderung der Wissenschaften. Demographic Research, Vol. 37 (July–December 2017), pp. 743–768. URL: <https://www.jstor.org/stable/26332211>.
7. Barslund M., von Werder M. Measuring dependency ratios using National Transfer Accounts // Vienna Yearbook of Population Research. Vol. 14. Special issue on «Population ageing». Austrian Academy of Sciences Press. 2016. pp. 155–186. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26506087>.
8. Zannella M. Review. Reviewed Work(s): Population Aging and the Generational Economy: A Global Prospective by Ronald Lee and Andrew Mason // Genus, Vol. 68, No. 1 (January–April 2012), pp. 114–116. Published by: Università degli Studi di Roma «La Sapienza». URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/genus.68.1.114>.
9. Prskawetz A., Sambt J. Economic Support Ratios and the Demographic Dividend in Europe // Demographic Research. 2014. Vol. 30. P. 963–1010. URL: <https://www.jstor.org/stable/26348225>.
10. Lee R., Lee S-H, Mason A. Charting the Economic Life Cycle // Population and Development Review, Vol. 34, Population Aging, Human Capital Accumulation, and Productivity Growth (2008), pp. 208–237. Published by Population Council. URL: <https://www.jstor.org/stable/25434765>.

11. **Bhorat H., Naidoo K., Oosthuizen M., Pillay K.** Chapter «Seven South Africa: Demographic, Employment, and Wage Trends». pp. 229–270 (42 pages). (Book «Growth Traps and Opportunities for Six African Economies») // Brookings Institution Press. 2016. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt1hfr23q.10>.

12. **Sheiner L.** The Determinants of the Macroeconomic Implications of Aging // *The American Economic Review*, May 2014. Vol. 104, No. 5, Papers and Proceedings of One Hundred Twenty-Sixth Annual Meeting of The American Economic Association (May 2014), pp. 218–223. Published by: American Economic Association. URL: <https://www.jstor.org/stable/42920939>.

Информация об авторе

Назарова Анжела Георгиевна – канд. экон. наук, ведущий эксперт Института «Центр развития», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). 109074, г. Москва, Славянская пл., д. 4, стр. 2. E-mail: anazarova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-9724>.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА) – НИУ ВШЭ «Качественные данные – эффективная политика».

References

1. **Denisenko M., Kozlov V.** Generational Accounts and Demographic Dividend in Russia. *Demographic Review*. 2018;5(5):40–63. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i5.10178>.

2. **Nazarova A.G., Chernyavsky A.V.** Aggregate Transfer Accounts for the Russian Federation: Framework for Construction and Analysis. *Voprosy Statistiki*. 2019;26(4):32–44. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2019-26-4-32-44>.

3. **Nazarova A.G.** On Models of Funding the Lifecycle Deficit. *Voprosy Statistiki*. 2020;27(5):23–35. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-23-35>.

4. Paying for the Past, Providing for the Future: Intergenerational Solidarity. In: *OECD Ministerial Meeting on Social Policy, Paris, 2–3 May 2011*. OECD Publishing; 2011. 4 p. Available from: <https://www.oecd.org/els/public-pensions/47711990.pdf>.

5. **Piggott J.** Population Ageing in Australia – National Policy Challenges and Future Directions. In: Kendig H., McDonald P., Piggott J. *Population Ageing and Australia's Future*. ANU Press; 2016. Pp. 47–62. Available from: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1rqc955.8>.

6. **Hye-Won Kim E.** Division of Domestic Labour and Lowest-Low Fertility in South Korea. *Demographic Research*. 2017;37:743–768. Available from: <https://www.jstor.org/stable/26332211>.

7. **Barslund M.Ch., von Werder M.** Measuring Dependency Ratios Using National Transfer Accounts. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2016;14:155–186. Available from: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26506087>.

8. **Zannella M.** Review on Population Aging and the Generational Economy: A Global Prospective by Ronald Lee and Andrew Mason. *Genus*. 2012;68(1):114–116. Available from: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/genus.68.1.114>.

9. **Prsakawetz A., Sambt J.** Economic Support Ratios and the Demographic Dividend in Europe. *Demographic Research*. 2014;30:963–1010. Available from: <https://www.jstor.org/stable/26348225>.

10. **Lee R., Lee S-H, Mason A.** Charting the Economic Life Cycle. In: Prsakawetz A., Bloom D.E., Lutz W. (eds) *Population Aging, Human Capital Accumulation and Productivity Growth, Supplement to Population and Development Review, Vol. 34*. Pp. 208–237. Population Council; 2008. Available from: <https://www.jstor.org/stable/25434765>.

11. **Bhorat H.** et al. South Africa: Demographic, Employment, and Wage Trends. In: Bhorat H., Tarp F. (eds.) *Africa's Lions: Growth Traps and Opportunities for Six African Economies*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press; 2016. Pp. 229–270. Available from: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt1hfr23q.10>.

12. **Sheiner L.** The Determinants of the Macroeconomic Implications of Aging. *The American Economic Review: Papers and Proceedings*. 2014;104(5):218–223. Available from: <https://www.jstor.org/stable/42920939>.

About the author

Anzhela G. Nazarova – Cand. Sci. (Econ.), Leading Expert, Centre of Development Institute, National Research University Higher School of Economics (HSE University). 4, Slavyanskaya Sq., Bldg. 2, Moscow, 109074, Russia. E-mail: anazarova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0976-9724>.

Funding

The research was carried out within the framework of the United Nations Population Fund (UNFPA) – HSE University project «CISPop: Better data for Better Policies».